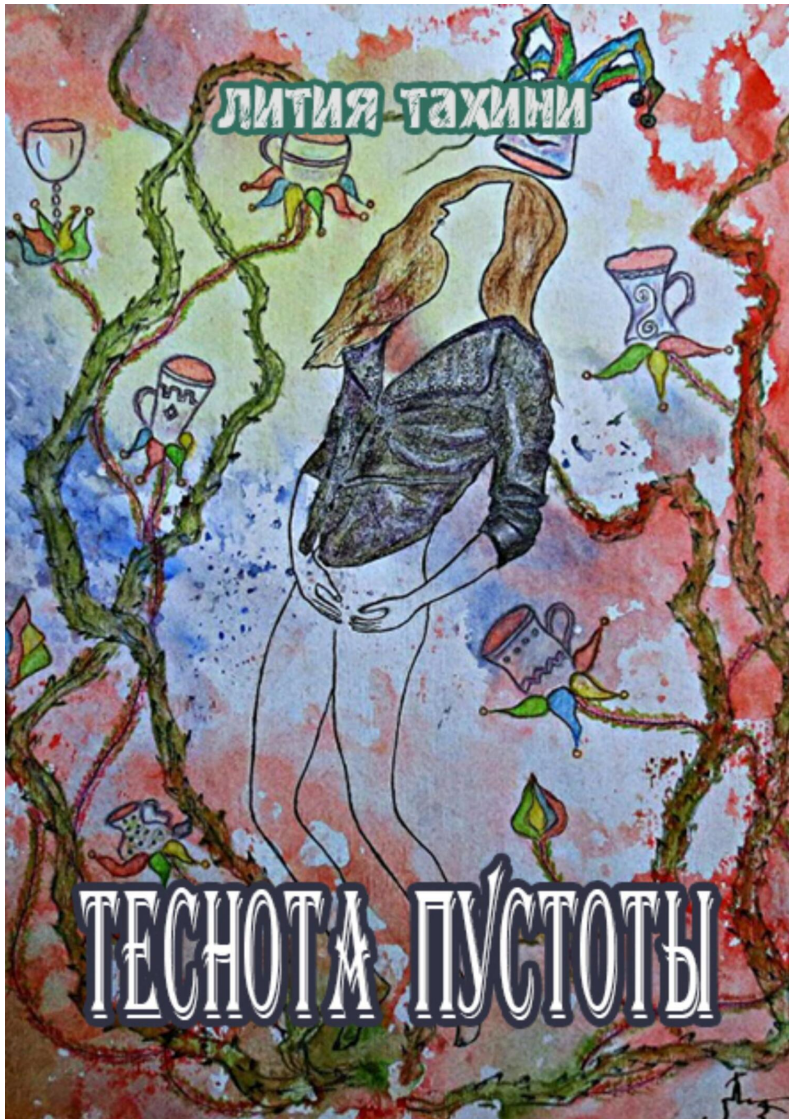

ЛИТИЯ ТАХИНИ

ТЕШОТА ПУСТОТЫ

Лития Тахини

Теснота Пустоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70310773

SelfPub; 2024

Аннотация

О, память! Что же с нами делает эта память... В данном сюжете – ничего хорошего, для целостной картины нашего мира! Она просто-напросто жрет определенный вид наших воспоминаний. Вы ведь не думаете, что помните всё...?

Лития Тахини

Теснота Пустоты

Болели ею люди, во все времена болели. Болезнь хитрила и изворачивалась, не давая придумать лекарства против себя – уж если заболел человек, то пищи пропало – поди да и отдай ей три месяца жизни.

А если хворь затягивалась на дольше, то безвозвратно забиралась в людской рассудок и навсегда окутывала его паутиной из иллюзий, не давая даже спички вставить в глаза здравому смыслу. Так говорили старшие...

И вправду, болезнь до невероятия упорно преследовала людей, но настигала – не более двух-трех раз за их жизнь.

Переболеть этой хворью, было знаковым рубежом, что-то менялось после этого в человеке, у каждого по-своему.

Исследователи этого зловещего феномена, вывели некую теорию о Прививании от болезни, постулаты которой сводились к тому, что чуть ли не единственным спасение против нее – было скормить ей свой самый большой страх, боль или откупиться несвойственным человеку поступком, каким-нибудь абсурдным действием, которое сбивало бы болезнь со следа, и в теории, это считалось равносильным переболеть ею.

Местное население особенно чтит тех, кто по их наблюдению, не был замечен в болезненной связи с этим терзаю-

щим наваждением, и портреты этих людей украшали доски почета местных поликлиник.

Находились и такие, которые поклонялись болезни, утверждая, что она является той, кто отмеряет мудрость и не существует не переболевших ею, но их считали повредившимися в уме сектантами, не верящими в чудо.

—

Проходя мимо покосившейся деревянной лачужки местного лесника, Сепия была счастлива, как никогда. На улице стояли последние дни бабьего лета, хрупкие серебрянные сети раскинутые маленькими паучками, назойливо лезли в нос к любому, кто был ростом выше метра.

Услышав шум, в дверях завалюшки показался лесник и приветливо помахал рукой расчихавшейся девушке.

— Будь здорова, девонька! И пусть люта́я Пустота, обходит тебя стороной! — напутственно добавил он.

Сепия вслух поблагодарила старика, а про себя, на слабых нервах от кольнувшей тревоги, истерично хохотнула над его суеверием.

— Не возьмет меня Пустота, не по зубам я ей! — бравадно пробормотала она себе под нос, пытаясь стряхнуть эту липкую мысль из памяти.

Но всё же, настроение начало портиться, невинное стариковское пожелание, прозвучало как зловещее предупреждение, поднимая со дна памяти всевозможные поверия об этой страшной болезни.

Эти истории – жуком-кожеедом царапались в ухе, норovia повредить барабанную перепонку и Сепия замотала головой, пытаясь отделаться от их навязчивости.

Она никогда не болела Пустотой, но с детства слышала о ней, а однажды, собственными глазами видела женщину, которая не смогла с ней справиться.

Несчастливая утверждала, что чувствует постоянную качку, так как её личность переселилась в бельевую веревку, висящую в общем дворе, и что теперь никто не имеет права сушить на ней свои вещи, так как те переймут отдельные черты ее индивидуальности, а делиться собой она категорически ни с кем не желала. При этом, заигрывала с мужчинам, кокетливо намекая на то, что если они почувствуют характерную щекотку в трусах, которые сохли на этой веревке, то пусть не делают большие испуганные глаза – ведь она же предупреждала!

После этого инцидента, никто больше не встречал бедняжку на улицах города, по слухам, её навсегда определили в Желтый дом.

Сепия делала профилактику от Пустоты всего три раза в жизни.

Первый раз, еще в детстве – отбросив прочь сомнения и преодолев отвращение, она решительно подошла к кольщику свиной и попросила отпить из кружки с кровью, зачерпнутой из туши только что заколотого хряка.

Второй раз, она целый час, по пояс просидела в болотной

трясине, держась за веревку, привязанную к коряге, в качестве подстраховки. Вот тогда страху она набралась настоящего – когда силы в её руках уже иссякли, а трясина только нагуляла аппетит и плотно обхватив Сепию за ноги – съела её сандалии и принялась за пятки. Но в тот раз всё обошлось, ужас сковал её рассудок, и открывшееся второе дыхание – выдернуло её из глотки оголодавшей трясины.

В третий раз, она решила быть осмотрительней и не рисковать напрасно жизнью – ей пришлось в голову откупиться абсурдным самоистязанием. Для этого, предварительно закопавшись в сено, она оставила открытым лишь живот, насыпала на него зерно и позвала кур. Куры топтались по ней, оставляя на теле синяки да ссадины и клевали зерно. Прикосновение их острых клювов к животу, подстрекало всколотить и вприпрыжку убежать от этой изводящей нервы щекотки, граничащей с болью. После такого нелепого «массажа живота», по мнению Сепии, Пустота просто обязана была позабыть о её существовании. Последняя процедура, показался ей гениальной по своей безопасности и эффективности, но повторить её еще раз, она ни за что больше не решалась.

А потом, она и вовсе уверовала, что сможет обходиться без этих неукоснительных мер предосторожности, и что болезнь, в конце концов, не посмеет к ней приблизиться.

–

Уже и солнце зашло и снова встало, а тревога всё так же

продолжали грызть Сепию изнутри. Отмахнуться от неё не получалось и она уговорила себя, что всё же сделает профилактику от Пустоты, но вот только попозже.

Прошел месяц и Сепия уже начала было задумываться, как обезопаситься от болезни.

В сети даже выискала чепушной рецепт местного знахаря, в котором значилось: «Значит, берете обычную тыковку и изо всех сил зажимаете бедрами. Но обязательно чтобы хвостик тыковки смотрел в сторону северо-востока. Теперь выгибаемся в позе разъяренного тарантула и засовываем маленькую помидорку в рот. И стараясь не раздавить тыковку, не потерять направление на северо-восток и не раздавить зубками помидор, вешаем горох на уши – и вот в таком положении строго по часовой стрелке, начинаем двигаться, приговаривая: "Пройди-уйди болячка поганая, пройди-уйди болячка поганая". И так вот часа три.»[1]

Читая отзывы воплотивших этот абсурд в жизнь, Сепия смеялась до икоты, не замечая, как меняется её состояние.

Позже, ложась спать, она почувствовала легкое недомогание – симптомы намекали на обычный грипп и в полудреме, перебирая всех кто мог бы её заразить, не нашла ничего лучшего, как обвинить начхавших на неё перелетных птиц, или пробегавших мимо свиней. Она силилась уснуть, но вместо этого, усыпила свою бдительность, упустив из виду догадку, что нечто иное прокралось в неё. Что в неё вошла Пустота.

Утром, Сепия поймала свои мысли на несколько удален-

ном расстоянии от своей головы. Мысли были заняты поиском хранилища для её личности, но это ни капельки не показалось ей странным, и она сочла нормальным присоединиться к ним в этом поиске.

Она весь день, с интересом обшаривала взглядом все вещи в доме, представляя их в качестве мимолетных тайничков для своего переселения, но так и не смогла остановиться надолго ни на одном из предметов.

Пустота пустила в ней корни сразу же, за сутки полностью заполнив собой оболочку Сепии. И когда на следующий день, девушка открыла глаза, то почувствовала себя в своем же теле – чужой, ей будто было в себе мало места.

Соседи тут же прознали об её хвори, и когда Сепия выходила на улицу – старались смотреть на неё вполглаза, про себя гадая – выздоровеет она, или нет.

Но ничего из этого Сепия не замечала. Прежний мир для нее больше не существовал.

Её тело дышало, двигалось, ело, спало, но без её присутствия – все это делала за неё мышечная память. А сознание Сепии в это время, беспомощно повисло на поверхности тела, ей когда-то принадлежащего. Она боялась быть унесенной порывом ветра, или сорваться с себе под напором проливного дождя – теперь она жила в постоянном страхе упасть и затеряться среди кучи предметов, между миллионов выборов – кем же ей теперь быть.

Её пугало открытое пространство, хотелось где-то спря-

таться – желательно внутри – привычно запрыгнув в голову, в область сердца, или в живот, но теперь там всё было занято Пустотой, которая вытеснила её полностью.

Безопаснее всего она ощущала себя в ушной раковине, но болезнь прогрессировала, толкая её всё дальше – за свои пределы, к другим рубежам.

И вот в один из дней, в то время, когда её тело занималось готовкой, какая-то чужеродная сила, притупив в ней инстинкт самосохранения, выманила сознание Сепии на кончик собственного носа, обратив её взор на кухонную занавеску. Сидя на низком старте у себя на носу, она в трепетном предвкушении нацелилась на вожаемую цель – в мечтах уже допрыгнув и растворившись в ней.

Инстинкты, влекомые туманной мечтой, подстегивали её – громыхая кастрюльными крышками на сильную долю, при каждом порыве прыгнуть. Сосредоточившись на прыжке она спрыгнула, но не рассчитала свои силы и её занесло в струю раскаленного пара, валившего из кастрюли.

Шок и боль, так часто рушащие человеческие жизни, в этот раз, волей судьбы, стали её союзниками – вернув её с полпути обратно, заодно пробудив в ней силы протиснуться под собственный покров и растолкав Тесноту, снова стать собой, с прежней силой ощутив свое тело.

Теперь Сепия знала, как болезнь завладевает человеком навсегда – стоило бы ей допрыгнуть до занавески – она бы тут же, втихаря от самой себя, подтасовала несовпадающие

признаки и навсегда позабыв кто она на самом деле, отождествила себя с куском материи, беззаветно слившись с ней навсегда. Или, так бы и блуждала от предмета к предмету, пока пелена предрассветного тумана, не втянула бы её в свою гущу, бесследно рассеявшись вместе с ней с первыми лучами солнца.

Лежа в кровати, Сепия изо всех сил пыталась удерживаться в своих пределах, вступив в схватку с Пустотой.

Теснота в теле была невыносимой и потому она с трудом контролировала свое тело. Пустота, только ей присущим способом, упрямо претендовала на чужую физическую оболочку – каждое мгновение проведенное девушкой в собственном теле, было пронизано эмоциональными судорогами, состояние отдаленно напоминало нехватку кислорода в легких, будто было последним глотком воздуха перед удушением.

Напряжение её неизменно росло, самодиагностируя психическую эпилепсию.

Пустота улавливала малейшие оттенки попыток Сепии потеснить её, и изобретательно вторила ей тем, что попеременно пыталась заставить её врасплох на контрасте состояний – имитируя то разлитую форму, то прикидываясь жаропрочным сплавом.

Иногда, ей ненадолго удавалось одурманить здравый рассудок девушки, и тогда, Сепия с долей скрытого фетишизма, тайком рассматривала ажурную занавеску – её жестко на-

крахмаленные края, мечтая и самой ненадолго ощутить себя в строго присобранном или в фривольно расправленном виде.

Глядя на вычурную вязь арабесок, обрамляющую полотно, она с завистью думала о том, какого было тем мягким, беззащитным нитям, которых касался прохладный и твердый крючок, придавая им такую вычурную, изящную форму – когда они оба, такие инородные, сплетаясь изгибались в унисон, под надзором властной диктатуры узора.

Как же велик был соблазн, вот так мечтательно отдаваться этому сладостному наваждению, что искушало и пытало, истязало удовольствием; но Сепия продолжала удерживать себя в пределах своей формы и на это уходили почти все её силы.

Большую часть дня, она просто покачивалась в кресло-качалке, накрывшись с головой теплым пледом.

Теперь, главной целью в её жизни – было ничего не видеть. Одни предметы казались ей обольстительными, другие – забавными, а третьи – излучали покой и уют. Их эстетика, красота и изящество, от длительного любования ими – причиняли боль глазам, которые кровили, как будто смотрели на мир с лика кровоточащей иконы.

–

Вот и сегодня, кое-как поужинав, вместо того, чтобы отправиться в кровать, Сепия снова уселась в кресло, протянув ноги на маленьком стульчике и надев на глаза маску для сна.

В последнее время, Пустота давала знать о себе все меньше, как будто в попытке ослабить бдительность Сепии, чтобы нанести удар исподтишка.

Приближение её атаки, обнаружило себя еле слышным собачьим завываньем где-то со стороны правого полушария. И чем ближе она подкрадывалась, тем громче становился её голос – он, то каркал вороной, то плакал дитём малым, а затем Пустота и вовсе обезличилась, и в попытке поразить её дух, набросилась невыносимой, животной, рвущей на части, болью.

Сепия от ужаса металась между телом и тенью, ища место, где можно было хоть ненадолго спрятаться от этого кошмара.

И в какой-то момент, от отчаяния, она повисла в Нигде.

–

Светило солнце, шумел прибой, и в мыслях Сепии не существовало кошмара, творившегося секундами ранее. Подойдя к деревянному шезлонгу, она прилегла на него, натянув на глаза соломенную шляпу и хотела было позагорать, но услышав рев, доносящийся со стороны океана, передумала. Вскочив, она быстрым шагом направилась к источнику шума.

Из пучины океана, огромная волна несла на себе бурого медведя, но прибиваться к берегу она не спешила. Волна, то бросалась вниз, то поднималась вверх, то лох-несским чудовищем зависала на одном месте, гипнотично раскачиваясь в только ей одной понятном ритме. Медведь разъяренно заре-

вел, и в его оскаленной пасти, она увидела пристально глядящего на неё крокодила, который ухмылкой намекнул ей, что намерен пустить слезу – и тут же всосал в себя медведя.

Слезы градом покатались из его глаз, и Сепия опешив от увиденного, сама не заметила, как оказалась возле подплывшего к берегу, плачущего крокодила. И в ту же секунду, она осознала себя плавающей на нем сверху, только вот нутро его было начисто выпотрошенным, а её руки, по локти были в крови. Удивившись еще больше, она посмотрела по сторонам и ощутила себя идущей по улице города, знакомого ей по фотографиям, в куртке из шкуры того самого крокодила.

– Что за дурацкий фасон? – подумала она, чувствуя себя попеременно – то дерзкой диско-девчонкой, то панко-подонком, то развязной жокейшей, оседлавшей сам рок-н-ролл.

С такими расщепленными мыслями, она и бродила по улицам, пока через её беспечное настроение, не прокрался приступ удушья, схвативший её за горло.

В следующий момент, она уже лежала у себя дома на полу, в корчащем тело приступе, с запоздалым чувством сожаления, что дав слабину – отключилась, несовладав с произволом болезни.

Мысленно пройдясь по всему телу, задерживаясь на суставах, Сепия к своей радости ощутила в теле больше пространства, Пустота как будто потеснилась, давая крохотную надежду на выздоровление, но чутье девушки тревожно выстукивало в висках морзянкой, что до полной капитуляции

болезни еще далеко.

Прошел месяц, а Сепия всё еще носила в себе Пустоту, та немного сжалась и спряталась в мышцах, маскируясь под крепатуру – но по факту, никуда не делась. От мысли, что в ней до сих пор живет это инородное, мерзопакостное, свирепое чудовище, девушка брезгливо морщилась, множа мимические морщины на лице.

Усевшись в кресло-качалку, Сепия решила вздремнуть, как вдруг увидела свое собственное тело сидящее в кресле, только – голое. Она видела себя одетой и голой одновременно. Уже ничему не удивляясь, она решила не обращать на это внимание, но в этот же миг, из её правой руки с чавкающим звуком, вылетела чашка. Она не успела как следует на это отреагировать, как следом за первой, из её груди вылетела вторая чашка, а из горла – третья. Глядя на этот чашечный хоровод, Сепия разумно допустила мысль, что окончательно сходит с ума.

Но то, что ей показалось высшей степенью ужаса, только набирало свою силу и было началом беспросветного, невыносимого мученья.

Потянулась черед безрадостных будней – днями напролет из разных частей её тела вылетали чашки, выносящие из неё Пустоту. Болезнь на память о себе, выбрала самый омерзительный способ покинуть её тело. И теперь Сепии приходилось наблюдать за тем, от чего не могла ни отвернуться, ни отмахнуться. Как будто кто-то усадил её внутреннее зре-

ние в партере злого театрлика, насильно приковав внимание к омерзительному представлению.

Кошмар день ото дня усиливался, и она беспомощно закрывала глаза и уши, в надежде не видеть и не слышать происходящее.

Но как известно, и мерзость умеет мастерски гипнотизировать – каковым бы ни было отвращение, всё же хотелось хоть одним глазком подсмотреть за тем, как в замедленной съемке раздвигалась собственная кожа и из нее медленно показывалась ручка чашки, или плавно проворачиваясь полусферами, вылезала сама чашка и с чвакающе-хлюпающим звуком, выскальзывала наружу, после чего какое-то время кружила над ее телом, а затем, без следа таяла в воздухе.

Когда чашка изнутри толкала кожу, то на этом месте появлялось сечение, и можно было посмотреть на кожу в разрезе – она была с молочно-розовыми краями, как будто обескровленная, и в этом Сепия научилась видеть благо, потому как вида собственной крови из сочащейся рваной раны, она бы точно не перенесла.

Поначалу, чашки с Пустотой, словно заправские комедианты – выскакивали из её груди, рук и горла, потом облюбовали левую ногу, а затем переключились на бедра.

Попадались и особо крупные экземпляры, а иногда, просто огромные, которые прокладывали свой заполошный путь – вспарывая собой исключительно живот. Временами, болезнь ехидничала с особым цинизмом – надорвав кожу и из-

дав утробный звук, чашка будто подмигивая, высовывалась лишь до половины, и изрядно потрепав нервную систему Сепии, медленно зарывалась обратно в тело. Девушка напрягла руку или ногу, пытаясь выдавить их из себя, но всё было без толку.

Так могло продолжаться часами, терпеть это было невозможно, и Сепия в безмолвном крике, читала завалившийся поэтический сборник, при этом, стихи о любви и красоте природы, приобретали весьма жуткий и хмурый смысл – но зато это занятие спасало её душу от разрушительной коррозии безумия.

Но такие приступы случалось не чаще, чем раз в две недели, в основном, Сепия наблюдала, как чашки свободно вылетают из её тела, выкруживая собой восьмерку ламбады или какой-нибудь другой шальной танец.

Со временем, взяв себя в руки и поборов отвращение, девушка начала находить в этом развлечение. Сначала она считала, сколько чашек из неё выходит за день – насчитав в среднем, семьдесят три. Затем, начала обращать внимание на их форму, рисунок, из чего сделаны, ведь чашки из себя были все разные – иногда фарфоровые с красивым рисунком, а иногда с отколотыми краями и отбитыми ручками, некоторые из них были сделаны из нержавеющей стали, также попадались похожие на стеклянные рюмки, но рюмками в привычном смысле, не были. Чашки были круглые, конусообразные и квадратные, напоминали мензурки, средневековые кубки и

чайные пиалы.

Но всех их объединяло одно – они, все как один, были до краев заполнены вселяющей ужас зловещей сущностью, которую и вообразить трудно – хотя на вид казались абсолютно пустыми.

Три месяца Сепия наблюдала за ощеренной тиранией Пустоты, уже почти отчаявшись увидеть конец этому чашечно-му балагану.

Но однажды, когда улетел последний снегирь и вслед за ним, талой водой уплыла прочь из города оттепель – девушка проснулась в прекрасном настроении и весело припрыгивая вбежала на кухню вскипятить чайник, но осмотревшись по сторонам – ужаснулась от увиденного – кругом валялась немытая посуда, полы были неметеными, а паутина закрыла собой всё окно.

Оглядываясь по сторонам, она никак не могла взять в толк, что же тут могло произойти. Она размышляла до тех пор, пока на глаза ей не попала злосчастная грязная занавеска, криво висевшая на окне. Сепию тут же прошибли воспоминания и она смущенно отвернулась, уставившись в пол.

Девушка, в одночасье вспомнила всё, что случилось с ней за последние три месяца, но память эта была будто мимолетной, краткосрочной.

В короткие промежутки, между вспышками и провалами памяти, она знала наверняка, что Пустота уже навещала её, прихватив с собой на память былые легкомыслие с беспеч-

ностью, которые в народе зовут юностью.

На смену этой истине, сразу же пришла другая – что Пустота приходит ко всем без исключения, даже к тем, кто это отрицает, так как просто не помнит об этом. И в следующий миг, навывлет, через всё её тело громогласным комом прокатилась еще одна мысль, оставив после себя ярко выраженное послевкусие – что Пустота некогда съевшая её юность, приходила за очередной порцией – за её молодостью, но на этот раз, ей удалось лишь надкусить её, а не сожрать полностью.

В это бесконечно длящееся мгновенье, для Сепии было очевидным, что без толку откупаться и прививаться от Пустоты – она всё равно придет в свой час и заберет причитающееся ей, но и в долгу не останется – оставив после себя мудрость. Что было делать ей со своим новым, незнакомым содержанием, она не знала – с одной стороны, она чувствовала себя прежней, а с другой – болезнь вместе с собой, унесла какую-то сакральную её часть.

Но осмыслить случившееся, ей так и не удалось – в следующий момент, будто кто скрыл во мраке яркую вспышку её озарений, и она с тревогой глядя на календарь, снова принялась обдумывать новые пути бегства от загадочной болезни, которая по приданиям, настигает человека два-три раза в его жизни и от которой, по слухам, можно спастись.

[1]Пародия М.Галкина на Г.Малахова